

Гр. Капанцян

Палайский язык

Многочисленные племена или народности пала (pala) упоминаются за полторы тысячи лет до нашей эры и имели особый язык, судя по клинообразным хеттским надписям из Богазкея (=хеттск. Hattuša, столица хеттов) в Малой Азии.

Разновидность произношения этого имени с начальным „b“, т. е. bala, возможна не только по свойству графики хеттского письма, где глухие и звонкие четко не различаются, хотя и глухие доминируют, но и по поздним данным армянской топонимики, судя по переселению этих племен вместе с хайасцами на территорию Великой Армении.

Обширные районы палайцев входили, как провинция, в состав хеттского государства, куда входила и Хайаса-Аззи, как конфедерат на договорных началах. Страна Пала находилась в „Верхней стране“ (районы Понта), была низменной и незащищенной, помещалась между городами Думанна и Дурмитта, судя по хеттским клинописям, славилась торговлей. Первое имя я отождествляю с именем города Домана, приводимым Птоломеем (V. 6, 18) западнее Саталы (арм. Սատաղ Satal в Малой Армении) в направлении на запад к Никополю (см. Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, стр. 74). Дурмитта же вероятно находилась близ современного Арабкира, ибо, судя по одной клинописи, „люди из Дурмитты бежали в страну Ишува“, т. е. в районы современных Дерсим—Мзур—Чарсанджак—Харпут. Можно в общем заключить, что Пала находилась западнее Хайаса-Аззи, у Герджаниса, и севернее по долине реки Келькит.

Имя палайцев позже, вероятно с VII в. до н. э., засвидетельствуется во многих географических местах Великой Армении, судя по письменным документам армянских писателей, как и по наличным географическим именам, существующим и сейчас, причем имеем не только „pala“, но и „bala“.

Нам известно, что к концу VIII в. до н. э. киммеры сильно наседали на западные рубежи Урарту, царь которого Руса I потерпел от них сильное поражение. Весь седьмой век они держали Малую Азию в состоянии войн и набегов, доходя до Лидии. В связи с этим многие племена и народы снялись со своих насиженных мест, в том числе хайасцы, пала, мосхи, хеттские манда, сала и др.¹, и частично или полностью эмигрировали на восток, в более безопасные места,

¹ От имени переселившихся в Армению (Урарту) этих манда и сала имеем наименование армянских феодальных родов Mandakuni и Sajkuni և Տէյկունի.

особенно в районы обессиленного от скифских набегов Урарту. Мною определенно устанавливаются пути передвижения хайасцев и палайцев, с одной стороны на восток по Чороху и Араксу, вплоть до Сюнии, а возможно и Карабага (ср. *kaḡa bala* у араб. историка Беладзури (умер в 899 г.), что по-персидски значит „племена бала“, как есть *daštakaḡan* „равнинные племена“, *phaḡtakaraḡan* „пайт-племена“). Часть Сюнии называлась у армян *baḡas ašxarh* „балов страна“ (где есть *Baḡaberḡ* „Крепость балов“, *Baḡaku khar* „Камень балака“ (=балайца), *Baḡas tun* „дом балайцев“ и пр.). С другой стороны, эти племена перекочевали в районы нижнего течения реки Арацани (Мурад-чая), где они заняли места городов Балу и Балалейс = Балеш (=Битлис), районов Бала-овит („равнина Бала“), местечек Палин, коих несколько и в разных местах, Палуни (княжество), Палана-тун (или Паланакан тун) „дом палайский“ и др.¹

Урартские надписи VIII века из Изоглу (на Евфрате, против Мелиты). Балу и Палина подробно перечисляют многочисленные имена разных городов, районов, даже фамилии владельцев и т. п., но ничего не говорят о палайцах и местах с их именем, из чего я заключаю, что передвижение всех этих палайцев, хайасцев, манда, сала и др. на новые места в Урарту имело место только в седьмом веке до нашей эры, на что имеются и другие данные.

На территории Урарту—Армении палайцы ассимилировались с хайасцами, т. е. хаями (=армянами), которые после распада хеттского государства, в период XII—VII веков до н. э., еще больше усилились, особенно на юге, в Тогарме, как в политическом отношении, так и в этническом. В дальнейшем хай распространились уже на восток, на территории бывшего Урарту, где и поглотили многочисленные его племена, в частности халдов-урартов.

Естественно возникает вопрос о влиянии этих многочисленных этнических языков на язык хаев-армян, письменно нам известный с пятого века н. э. К несчастью, из этих местных языков письменно сохранились лишь языки халдов-урартцев и хурритов, диалектически сохранившихся позже и в лице арминов и шупритов на верховьях Тигра, к югу от сасунских гор, на пространстве от Амиды (Диарбекира) до Миафаркина (Тигранакерта). Эти урартизмы и хурритизмы армянского (хайского) языка нами учтены и объяснены, с чем согласуется проникновение в армянский язык также и аккадской лексики². Здесь может быть и сиро-арамейское древнее опосредствование. Западнее Евфрата, частью и на территории Софены (клинописное *Šura*, арм. *Շոփ-ք* *Tsoph-kh*), еще в VIII—VII веках жили хетты, которые отчасти также арменизировались и дали этому языку многочисленные

¹ Подробное см. мою книгу „Хайаса — колыбель армян“, 1948, Ереван, стр. 128—131.

² См. мою работу (на арм. языке) „Ассирио-вавилонские слова армянского языка“, Ереван, 1945, стр. 45.

хеттизмы, начиная по крайней мере еще с XV века до н. э., при существовании политического объединения Хайаса-Аззи. Эти хеттизмы нами также выявлены.

Недавно, в тридцатых годах (1933 и 1936), в богазкейском клинописном архиве хеттских царей обнаружены фрагменты надписей, которые точно установлены как „палайские“. Они исследованы главным образом немецкими учеными Оттенем и Босертом. Естественно, эти надписи должны вызвать интерес и у арменоведов, хотя языки хаев (=армян) и палайцев отдалены друг от друга почти двухтысячелетней давностью: клинописный палайский засвидетельствован не позже XII—XIV веков до нашей эры, а армянский только с V века нашей эры. Тем не менее, по моей концепции образования армянского народа и языка, этот палайский клинописный язык должен также быть учтен, хотя и представлен немногими фрагментами и вдобавок почти не понимается.

Еще в хеттских текстах культового (ритуального) характера установился своеобразный обычай: при повествовании или воспевании части, касающейся этнических божеств, „старуха“ свой речитатив исполняет на языке данной этники (племени, народа). Так, например, поет-ся по-протохеттски (*ḫattili*) для богини солнца из города Аринна; по-хурритски (*ḫurlili*) для богини Хепат (Хепит). Так же делается, видимо как особое уважение, и для божества Запарва, родного для палайцев, причем в хеттском клинописном тексте специально подчеркивается, что „старуха (*SALŠU. GI*) для божества Зипарва слово (речь) для тема- [мучное, хлебное] по-палайски (*palaumṣili*) произносит“ (KUB II 4.IV, строки 9 и сл.).

Подобное видим и в других фрагментах (Bo 441): „когда хлеба [„лаваши“] крошит, старуха бога Зипарва слова для хлебов по-палайски произносит“¹. Из этого нужно делать заключение, что Зипарва (по-палайски Запарва) был божеством земледелия, и быть может само это имя значило „хлеб, зерно, мука, крупа, еда“ (об этом см. ниже).

В дальнейшем удалось выявить из богазкейских архивов и другие фрагменты, написанные уже на чисто палайском языке, особенно из раскопок 1933 и 1936 годов. Тем не менее эти тексты пока еще не понимаются, чему не мало мешает почти полное отсутствие детерминативов и идеограмм, подобно отчасти хурритской графике.

Рассмотрим этот язык в фонетическом, морфологическом и лексическом отношениях.

Из фонетических особенностей следует отметить чередование *wu* || *ru* как имя бога *Katalziwuri* || *Kataḫziwuri*, *wulašina* || *pulašina* и др., что быть может говорит за существование аспирата *ph*. Писание *ṣu-wanta* или *ṣuwanda* может свидетельствовать смешение в произношении глухих и звонких, как в хеттском, но других убедительных

¹ Все эти сведения, как и тексты-отрывки, написанные на палайском языке, я взял из статьи Н. Оттен'а (см. ZA, NF. § 14, Leipzig, 1944, стр. 119—145), любезно присланной мне чешским Институтом востоковедения.

примеров нет. В имени бога *Gulzannigaš* || *Gulzannikeš* писание в последней форме *k* вместо *g* скорее есть воздействие следующего „е“ (суф.-еš для множ. числа?).

Отчасти подобное явление наличествует и в хеттском (см. у А. Гетце „*Die Annalen des Muršiliš*“, 1933, стр. 272: *arišgaveni*, *ilališgaveni*, *dašgaveni*, *ušgaveni*..., но *talliškiveni*, *daškivani*, *zikkivani* и др.). Ср. древнеармянское *and* „там“, но *anti* „оттуда“.

Палайский язык не начинается слова с *g*, подобно хеттскому, хурритскому, армянскому и многим другим языкам.

С точки зрения морфологической структуры палайский язык не применяет префиксов, а только суффиксы и флексии с конца, не прибегая также к внутреннему словоизменению. Функции склоняемых и спрягаемых форм пока удовлетворительно не могут быть определены. Но предположительно, сравнивая с хеттскими окончаниями, кое-что можно более или менее зафиксировать.

Склоняемых форм единственного числа можно установить пять: *-s* (*-is*, *-as*, *-us*), например, *tabarnaš* ^{SAL}*tavannanaš*, *tabarnaš halluiš*, *vištiš* и др., без окончания, напр., город *Liḫzina*, бог *Zaragua* и т. д., *-i* (*-ai*), напр., ^d*Zaraguai*, *-az*, напр., ^d*Zaragaz*.

Из этих форм последняя (*-az*) несомненно показывала исходный — отложительный падеж (*Ablativus*), имея в виду, что хеттский язык, соседний с палайским, имел такое же окончание с той же падежной функцией. Падежная же форма на *-i* (^d*Zaraguai*) несомненно служила для дательного, а может быть и для родительного падежа, подобно отчасти урартскому и армянскому языкам (в хеттском *-i* для дательного падежа). Форма на *-s* вероятно выражала падеж субъекта (имен. п.), а форма без окончания — для винительного падежа (?), хотя в этом случае мы ожидали бы окончание *-n*.

Приводят и форму ^d*Zaragatasas*, но она, по-моему, сложное слово из имени (основы) бога *Zaragua*- и слова *taša(s)*, что, вероятно, значило „статуя, идол“ и известно нам из хурритского и урартского языков в форме *tase*, как и из древней топонимике Малой Азии (см. мою работу „Суффиксы и суффиксированные слова в топонимике древней Малой Азии“, Ереван, 1948, стр. 23—25). В хурритских личных именах из Нузи (изд. в Чикаго, 1943, стр. 263) имеем элемент *tašši*: *Amitašši*, *Mittartašši*, *Dannatašši*, *Batatašši*, *Serpatašši*. Для последнего имени я бы обратил внимание на хеттское ^{GIS}*šaḡra* — род дерева (*'brushwood, verbenae'*?, см. у Sturtevant'a „*Hitt. Glos.*“, II, 135), так что хурритское *Serpatašši* могло значить „статуя или фигура из дерева š“. Затем в письме Тушратты также употребляется это слово (во множ. ч.) *tašēna*, причем это писание одного š (а не šš) вторит другим подобным писаниям этого письма (*ela/i* „сестра“, *en/a* „бог“, *šala* „дочь“, *šēna* „брат“ при нузийских *elli*, *enni/enna*, *šalli*, *šenni*).

Мессершмидт, издавший в 1887 г. письмо Тушратты („*Mitanni Brief*“), переводит хурритское *taše* через „священный подарок“ (*Weihgeschenk*), что, по-моему, неточно.

В урартском также встречается это слово, переводилось Г. Меликишвили также „дар, подарок“. Например, в надписи царя Русы I из Кешишгеля читаем (строки 10—11) *—iu ini şue taşe terubi* „когда этому озеру (=для этого озера, в честь этого озера) статую я поставил“, или в одной надписи из Армавира, имеющей ритуальный характер (сохранилось 13 строк)... *ali taşe amani bidi* „что статуя, сосуд...“ Особенно близко к палайскому *⁴Zaparwa-taşa* наименование (урартское или хеттское) одного места („города“) из надписи урартского царя Сардура на Ефрате (у села Изоглу), где в числе завоеванных у хеттского князя Хиларуада городов приводится и имя URU *⁴Kulrai-taşe* (строки 28—31), что значит „город статуи бога Кулра“¹.

Наконец, в малоазиатской древней топонимике есть *-dasa* или *-dasē* как *Thenticasa*, *Merindasē*, *Erpidasē* и пр., которые приводятся П. Кречмером в своем „Введении в историю греч. языка“, что, несомненно, есть наше слово *taşa*, наличное в палайском *⁴Zaparwa-taşa(š)*. Азиатическое происхождение слова *taşe* || *taši* || *taşa* „статуя, фигурка, идол“ несомненно и употреблялось также у палайцев.

Спрягаемые формы палайского глагола также выделяются, как это мы видели в склоняемых формах, но, естественно, не все формы могут пока быть точно определены. Дальнейшие возможные материалы из раскопок могут восполнить этот большой пробел. Удается пока определить противопоставление глагольной формы, возможно императива (буд. вр.), *aşandu* (мн. ч.) и *aşdu* (ед. ч.), основываясь на идентичных хеттских формах *eşdu* „да будет“ и *aşandu* „да будут“. Эта форма выступает вместе с причастной формой на *-ant* (сред. или страд. залога)—*takkuwanteş aşandu*. Анализ предложений, приводимых Г. Отеном („Zum palaischen“, стр. 129—132), подтверждает его заключение о том, что глагол-сказуемое большей частью ставится на конце. Интересующая нас глагольная форма имеется, например, в предложениях: ... *takkuwanteş aşandu anta kuwaniş taşura takkuwanteş aşandu anta warlahiş kuwalima takkuwanteş aşandu ittinanta*... Мы не знаем значения ни глагола *takkuwa-* (есть и отдельная форма *takkuwati*), ни других слов этих предложений. Знаем только, что каждое из этих предложений начинается словом *anta* („после, затем“) или *ittinanta*. Причастный оборот с вспомогательным глаголом *aş-* „быть“ (или с другим подобным глаголом)—самое обычное образование также в хеттском языке², где причастие дает разновидности формы *-ant-* || *anza* (и с окончанием мн. ч. *-anteş*).

Как имеем *aşdu* и *aşandu*, также противопоставляются *takkuwati*, *-huilati*, *hantanati* („ставит“) и т. д. при *hasanti*, *muşanti*, *ahuwanti*,

¹ Ср. имя бога Халлара, почитаемого в городе Дунна (в трактатах и протохеттской литургии).

² Ср., например: *arkammaşşakan... išli!anza ešta* „подать... наложенной была“, *arān ešta* „восставшим (он) был“ и т. п.

atanti и пр., т. е. при формах единственного числа на -ati, возможно настоящего времени, имеем формы на -anti множественного числа, что свойственно языкам индоевропейской системы.

Формы на -at мне кажутся глагольными, в значении 3-го лица ед. ч. прошедшего времени (претерита), подобно хеттскому окончанию -t, а не предполагаемые названия „частей жертвенного животного“, как у Г. Оттена (стр. 131, прим. 21). Есть и разновидность окончания -k-at, где k быть может остаток от -sk для интенсивного—длительного вида, как в хеттском¹. Эти глагольные формы следующие: warrakat, aršukat, huwaššannikat, huwanhuwanikat, ginukat, bannukat, šalliqqat („он увеличил“?), harišat, parinat, pathinat, qaššutat, šarkutat, šūpat („он наполнил“?) и др.

Известный хеттолог Фердинанд Зоммер в своем письме Оттену конечное ki-i-ta-ar нескольких палайских предложений хочет объяснить как средне- или страдательно-залоговую форму (medio-passivum), как имеем в хеттском: от корня ištamaš- „слышать“—ištamaštari „слышится“, от karš- „отрезать“—karštari „отрезывается“, от tarup- „сплести, собрать“—taruptari „сплетается“ и т. д. Палайский текст дефектен, читается только: wašukineš šimišas kītarl, ...amluwa wulašinaš kītarl, ...litannaš wulašinaš kītar (см. у Оттена стр. 138), где глагольная форма ki-i-ta-ar (kītar) значила бы „кладется“, подобно хеттскому kittari „лежит“ (‘liegt’), при греческом *κατὰ* „лежит“. В палайском речь идет о распределении со стороны высокоправомочной царицы (tabarna ^{SAL}tavannanna) частей жертвенного животного, где упоминаются wulašina (=pulašina), šimiša, karti („сердце“?), atīrap, azziki² и др.

Рассмотрим теперь те вопросы словообразования, которые отчасти указаны учеными в связи с изучением палайского языка.

Тут я хочу коснуться научного значения выделенных этими учеными двух палайских суффиксов -appiga и -iga || -ik, из которых первый суффикс служит для словообразования, а второй уделяется для образования множественного числа.

Для производных слов с суф. -appiga имеется имя палайского бога Gulzappigaš (в другой форме Gulzappikeš), что из цикла главного божества палайцев Zapaḡwa. Предполагаемая некоторыми учеными возможность полуидеографического писания через ^dGUL-zappiga, как синонима хеттского ^dGUL-aššeš („братья боги“), едва ли может быть поддержана, ибо в палайской клинописной графике такой идеографи-

¹ Скорее всего этот глаг. суф. -k нужно связать с хурр. -kk- в глаголах, где -ikk для переходных глаголов, а -ikh для непереходных, см. у Speiser'a („Intr. to hurrian“, 83—84). Ср. арм. sajtth-akh-ei „скользнуть“, žajtth-kh-ei „извергаться“, xoṛp-okh-ei „получить рану“ и т. д.

² Ср. имя армянского общенародного яства аџік *աճիկ*, которое фонетически точно соответствует этому палайскому azziki. Само армянское яство очень близко стоит к природе бога Запарва, ибо готовится из муки и из выжатого сока битой в каменной ступке промоченной и проросшей пшеницы.

ческой практики не имеем, за исключением Kl.MIN „то же“ (detto) и KA. TAM. MA „таким же образом“, как передача обыкновенных нарицательных слов. Корнем палайского имени этого бога нужно считать gulz- с суф. -anniga. Другие примеры имеются из протохеттского языка, где корни протохеттские, а суффикс мол палайский. Таковы: имя бога Wugunanniga, женское имя Sušumanniga (при имени женской богини Sušumali) и нарицательное слово awazanniga. Придется думать, что в этих протохеттских именах и сам суффикс -anniga также природен.

С этим же азианическим суффиксом -anniga (=anik) я ставлю в возможную морфологическую связь и суф. -antiga, часть которого -iga хотят понять как особый форматив для образования множественного числа имен. Ученый Эммануэл Ларош (в работе „Recherches sur les noms des dieux hittites“, Париж, 1947) приводит для такого понимания только два примера: палайское имя бога Ilaliantigaš и равноценное хеттское Ilaliantaš, как и палайское Uliliantigaš и хеттское Uliliaššiš. Так же у Ф. Зоммера („Orientalische Literaturzeitung“, 1935, col. 28). По-моему, из соответствия палайского Uliliantiga- и хетт. Uliliašši- вытекает, что хетт. (=лувийский) суф. -ašši(š) показывает только принадлежность (относимость) к чему-то, как имя бога Hilašši(š) значит „относящийся к портику храма“ от hila „портик храма“, witašši(š) „годовой“ от корня witt- „год“ (ср. witanza „год“, witti „в году“) и т. д. В палайских производных словообразованиях, как видим, наличен суффикс -antiga(š), в точности соответствующий хетто-лувийскому суффиксу -ašši(š). Часть этого суффикса -iga, точнее -ik, наличествует также и в имени хайасского божества Baltaik, что, вероятно, дословно значит „целительный, житнетворящий“ (ср. аккадс. balṭ-u „жизнь“).

Хеттоведы формально исходят из сопоставления палайского Ilaliantigaš с хеттским Ilaliantaš, считая, очевидно, это палайское имя заимствованным с хеттского. Исходя из одной хетто-лувийской „бидлингвы“, где имя хеттского божества Inparawantaš соответствует лувийскому Apparumenzi, где лувийский суф. множ. числа -enzi || -inzi передается в хеттском частицей -antaš, ибо этих Inar- богов множество, делают заключение, что палайский суф. -antiga совмещает палайское национальное местное оформление этой множественности. Как видим, это сопоставление и сравнение довольно механическое и формальное. Г. Оттен также сомневается в наличии суф. множ. числа -ig в палайском языке (см. у него стр. 128, прим. 19).

С древними азианическими языками я связываю возможное происхождение арм. суффикса -апак, образующего наречия („образом“) и существительные. В первом значении, например, имеются ajsanak „этак, этаким“, диалектические таšnak „правильно“ (в Хемшине), hašnak „по-армянски“, zazaпак „по-курдскому заза“ (Балу), alrпак „по-братски“ (Сасун, Муш...) и пр.; во втором значении — jałthanak „победа“ (от jałthem „побеждаю“, rhoхapak „замена, взамен“ (от rhoхет „меняю“), этрапак „чаша для питья“ (от этрош „лью“) и т. п.

Морфологический анализ палайского языка, как видели, при данном состоянии материалов и их понимаемости, дает нам сравнительно мало достижений.

То же состояние мы можем констатировать и относительно лексического материала. Этому непониманию, как сказано, отчасти мешает и графически малое использование идеограмм и детерминативов. Будущие раскопки-открытия и сравнительное изучение с другими соседними и родственными языками нам дадут основание для дальнейшего прогресса в этом деле. И сейчас некоторые ценные результаты дает сравнение палайского языка с хеттским языком. Не отрицая возможных связей и с другими языками, в том числе и с азиатическими, я все же хотел бы отметить некоторые лексические встречи с этими языками, используя даже армянские материалы.

Прежде всего нас интересует название и функции главного палайского божества Zaruwa, для чего приводится достаточно хеттского материала в статье Г. Оттена („Zum palaischen“, стр. 133—135). Судя по ним, это божество—мужского начала, ибо царь жертвует для него барана и быка; оно имеет вегетативные функции, ибо выступает с подобными божествами (NISABA и SUMUQAN), связывается с божеством „зерна“ (halki „grain“), чаще всего упоминается при праздновании весной растения ANTAHŠUM, служащего кормом и пищей, причем „Зипарва—праздник“, вероятно, только часть этого праздника, происходящего весной и осенью (стр. 134). Прибавим также, что „старая женщина“ при пении или произношении ритуала на хеттском языке „слово о муке“ (KUB. II. 4.IV memalaš uddar) или „о хлебах“ (Bo 441)¹ передает только на палайском языке, как синоним или содержание божества Запарвы. Следовательно, она знала нарицательное значение этого божественного имени, относящегося к муке, хлебу, зерну и т. п., подобно тому, как деифицируются у хеттов halki „зерно“, у хурритов hašuntar (hi) растение „ревень“, tarpañt-ubi „терпентин“ и т. п., или у ханаанских семитов Dagan—божество корней и др. На этом основании мне думается, что не исключена возможность сохранения этого палайского божественного имени в его нарицательном значении в армянском слове dzawar — сваренная

¹ У хеттов печеный хлеб бывал следующих видов: 1) свеженспекенный; 2) испеченный из муки фасоли; 3) обыкновенный (harši) хлеб; 4) испеченный на горячем пепле; 5) испеченный с внутри начиненным маслом (harzazuš, harzazuta) подобно, вероятно, армянскому „гата“ со вставленным внутри маслом, начиненным хориsx'ом; 6) тонкий и плоский хлеб (подобно, вероятно, армянскому „лаваш“, в виде длинной овальной бумаги, который сушится (хранится на всю зиму и крошится, смачиваясь); 7) хлеб-сухари (?). Хеттский хлеб, „тонкий и плоский“, также крошится (paršia-); недаром лаваш у персов в Тегеране называется pīp-artanī „армянский хлеб“. О видах этих хеттских хлебов см. у Sturtevant'a в его „Hitt. Gl.“, II, стр. 110, и „Suppl. to Hitt. Gl.“, II, 1939, стр. 33. Лаваш пекут также курдами, грузинами и азербайджанцами (см. Ачарян, Корневой, словарь, III, стр. 300).

или несваренная пшеница со снятой шелухой, используемая как крупа¹. Хотя начальный *z* клинописных языков вообще в армянском языке, при однокоренных словах, родственных или заимствованных, передается глухим армянским *ç* (=ts) или чаще *č* (=tš), тем не менее есть несколько примеров и на соответствие *z*=арм. *dz*. Например, при хеттском *zik* „ты“ (при даг. и вин. пад. *tuk*) имеем арм. *du* „ты“ и *dzer* „вас, ваш“, *dzez* „вам, вас“, *dzendž* „от вас“ и пр., т. е. соответствие хеттского *z* (=dz)= арм. *dz*.

Возможно также сопоставление хеттского *zikk-* или *zik-* „ставить“ с арм. *dzig* „протянуть, тянуть“. Для перехода же древнего срединного *r* в позднее *v(w)* я бы обратил внимание на арм. *ew* „и“ из индоевр. **er*, арм. *hoviw* „пастух“ из индоевр. **ov*-ра „овцепас“ и др. Даже если клиноп. знак для *rag* произнести *bar* (Za-bar-ua), что не исключается, то и тут возможен переход *b* в армянское *v(w)*, как имеем урартское *Ḫaipa*=арм. *Van*, урарт. *eba-pi* „страна“, арм. *awāp* „местечко, село“ (при мегрельском *abapi* „место“, груз. *uḅapi* „квартал“) и т. п. Так что нет формально звукового препятствия для перехода палайского слова *zara-ua* в армянское *dzawar*, оставляя вопрос о конечном *-ua* (*-wa*), что, быть может, специальная местная частица вроде *-ua* в топонимике древней Малой Азии (ср. имена городов *Tuwanu(w)a*, *Paḫḫua* (*Paḫḫuwa*), *Karaššu(w)a*, *Tararapu(w)a*, *Dankua* и др. или хеттск. *istan*=протох. *eštan* „день“, при лув. *aštanua* (id.). Ср. урарт. имена *Meḫua*, *Inuṣrua*.

Я уже имел возможность говорить и о статуе (*taša*) в честь *Zaragua*, как и о храмах с особым помещением (=хетт. *halentua*) для царской особы, с алтарем и пр., хотя не приводится имен городов или мест с этим храмом.

Затем я бы отметил наличие и „взрослого мужчины“ (*LUmaianza*), что упоминается при статуе *Запарвы* и употребляется также в хеттских текстах (см. у Sturt. „Suppl.“, 31) с переводом 'a man in his

¹ Обмолоченная в большой каменной ступке при помощи ударов цепа (*var-sang* или *varsand*) пшеница освобождается от шелухи. Затем эта очищенная пшеница высушивается и употребляется для супа (*sras*) в таком цельном виде, или же предварительно размельчиваясь при помощи ручных жерновов (*erkaḫ-kh*) как крупа. Но пшеница может сперва и свариться, высушиться, затем размельчаться и стать крупой для каши, супа и пр. Несомненно, эта культура обработки пшеницы для супа или каши идет из древней Малой Азии, быть может из страны Пала, ибо *Запарва* есть деификация имени для *temal* (хеттск. слово) и NINDA KUR. RA (=хлеб, который крошится). По объяснению хеттоведов Стартевента, Гютербока и Зоммера, это хеттское слово *temal* теперь уже точно переводится ('grills, groats, coarse meal; porridge', см. у Sturtevant'a „Suppl. to Hit. Glos.“, 1939, стр. 31), т. е. „овсяная непросеянная мука, крупа, грубая мука; суп“, что, как видим, вполне соответствует значению армянского *dzawar*.

Между прочим, это хеттское *temal* смешивалось для еды с медом или разрезанными на мелкие части фруктами. У армян этого не делается. Армянское *дзавар* употреблялось не только в древности, но и теперь во многих диалектах, в том числе и в Малатии, Себастии и других западных районах Армении. В других диалектах употребляется слово *korpot*.

prime'. Палайский текст в этом месте гласит (у Оттена, стр. 145):
ummaia-mai ummaia-lla tuwa zizzarupia | ^{LU}maiaṇza vathalaš 'Zaragua-
tasas harkinašaraiaṭi.

Несомненно, что слово ummaia (ú-um-ma-ia) семитского происхождения (^{LU}UMMEANU), употребляясь и в хеттских текстах в форме ummīannes (мн. ч.) и значит „ремесленник, мастерской“ (Sturt., „Hit. Gl.“, II, 1936, стр. 168), и палайские эти строки должны значить „ремесленник мой, также ремесленник твой... | взрослый (= жрец), надзиратель (?) статуи Запарвы...“, где последние слова (= глаголы) непонятны¹. Слово vathala- по своему окончанию -ala показывает занимающегося чем-то, как хетт. tawallala „приготавливающий священ- ный напиток tawalla“. zippala—род служителя царской кухни, rašap- lala (id.), genzuala „великодушный“ и т. д.

В этих палайских текстах говорится о „tabarna ^{SAL}tava(n)naṇna“, т. е. о государыне с большими полномочиями, которая между прочим регламентирует не только нормы и ритуал жертвоприношения, но, видимо, и вопросы строительства и надзора над статуями (и храмом) богов, в частности и всепалайского бога Запарвы хеттской провинции Пала. Титул tava(n)naṇna хеттской царицы, как первой жены царя, давал ей право выступать официально при общественных, политиче- ских, наследственных, культовых и судебных делах, а слово tabarna „правитель, царь“ стало прозвищем хеттских царей и цариц, полу- чившись от собственного имени Tabarna, основателя древнейшего хеттского государства, и фигурирует не только в хеттских, про- тохеттских, лувийских и аккадских текстах, но, как видим, и в па- лайских.

В связи с возможным влиянием хеттского на палайский, хотя есть и факты иноязычного лексического вклада в хеттский, не говоря уже о словах от их общего источника, я хочу предложить ittinanta tii taazzu kartinanta tii taazu lalanta перевести „после того (?) и... сердца и... языки“ (см. у Оттена, стр. 140), где tii соответствует хеттскому ta (tā) „и, же, однако“ (ср. арм. the „или, и, если, что“), karti „сердце“ хеттскому karza (дат. пад. kardi), а lalanta=хетт. lala „язык“ (Sturt., Suppl., стр. 28), хотя есть и хетт. tiššatwa „языки“ (?). Говорится в связи с вышеназванной ролью „правомочной царицы“ (см. там же, строку 10 в Rs., строку 26 в Vs. и др.), которая распре- деляет части жертвенных животных.

Но в хеттской клинообразной графике есть одна особенность, помогающая нам узнать происхождение многих десятков хеттских слов и корней, это — постановка впереди слова двух маленьких гори- зонтальных клиньев друг над другом (редко одного), что говорит

¹ Мне думается, что harkinašaraiaṭi нужно делить на harkina „разрушение“ (ср. хетт. harkia- „быть разрушенным“) и šaraiaṭi „строит, возобновляет“ (ср. не- хетт. šarpara 'he trimmed'?). Так что перевод будет: взрослый надзиратель...статую Запарвы разрушение обновляет.

в пользу нехеттского характера этого слова (корня). Сличение со словами чисто палайских текстов поможет уточнить их происхождение. Имеются, например, „хеттские“: *aggatius* „сеть, тенета“ (?), *akkuša* „ямы, ямочки“ (ср. арм. *akōs* „борозда“), *allalla* (дат. п.) „война, возмущение“ (?), *antariš* „бог, царь“ (?), *arannuḥa* „я задержал“ (?), *agkam(m)aš* „подать, дань“, *agraša* „быть несчастным“, *ḥaḥḥarš* „смеяться, насмехаться“, *ḥaḥḥaniai* „он соблюдает, внимает“ (?) (ср. пал. *ḥuan-ḥuanikat*), *ḥarḥanalla-* „враждебный“ (?) от простого *ḥarpu-* „враждебный, недруг“ (ср. арм. *harb* с тем же значением), *ḥašr(a)* „разрушать, истреблять“, *ḥuwai-* „избегать“, (*ḥuwaiš* „он избег“, ср. арм. заимствование ара-*hov* „обеспеченный“, дословно „назад убежавший, спасшийся“), *ḥuwallis* (*ḥulli-*) „раскаленный, пылающий уголь“ и пр. и пр.

Разного происхождения могут быть и многие общие имена богов, лиц. Так, например, имя божества *Kataḥiziruri* встречается в хеттских и палайских текстах, а на самом деле оно протохеттского происхождения из *kataḥi-* (*kataḥḥaš*, *gaddaḥe*) „царица“ при *katte* (или *katti*) „царь“ и из неизвестного *-ziruri*. Функцией эта богиня тождественна с хеттской ⁴*Kamrušera*, играющей роль в мифе о Телипину. Точно так же божество *Guizappiga* своим суффиксом *-appiga* неотделимо от имени протохеттского божества *Wurupappiga*, женского имени *Sušutappiga*, простого слова *awazappiga* и пр., но возможность палайского или общего с протохеттским происхождения этих корней и суффиксов также не исключается, хотя и есть протохеттские *wur* „страна“¹, ⁴*Wuru(n)-katte* (=акк. ⁴*ZABABA*)—бог войны, ⁴*Wurušetu*; у хурритов богом войны считается ⁴*Aštarī*, образованный как имя бога ⁴*Tunarī*, арм. *Paj-ari(s)* и др.

Или, например, у протохеттов выступает божество *Tuḥumta*, (XIX, 25. 1.4), чье происхождение неотделимо от имени хайасского бога *Taḥumu*. Имя божества (братьев) *Ḥašamili* встречается у протохеттов, где есть и суф. *-aiu* (ср. слова *ašmaiu*, *ittamaiu*, *zinaiu*), но перешло также к палайцам, хеттам и аккадцам (*Ḥašmili*). Это божество упоминается вместе с „палкой“ (*Giš*), и мне думается, что корень *ḥašm-* быть может значил „увеличить“, имея в виду др. арм. *ḥašm-el* „стать увечным“. Возможно этот бог был хромым и ходил с палкой. Тогда придется допустить хурритское происхождение этого *Ḥaš(a)mili*, которое, как имя, дается и человеку.

Нарицательные слова и древние имена малоазийских народов могут сохраниться у армян, как имеем армянские имена *Muše*—хеттск. *Muršil-iš*, арм. *Toḥkh*—азнан. *Tarku* (*Tarḥu*), арм. *Par*—древнехеттск. имени царя *Parras*, арм. *Aga*—малоаз. имени бога ⁴*Aga* (КВо. III. 30 Vs. 4) и т. д., а о нарицательных словах азианического, аккадского и прочего происхождения у меня сказано во многих моих работах.

Возможно, что имя хеттского бога ⁴*Anzili*, играющего роль в мифе о Телипину, божество весны, сродно с арм. словом *ançel* „со-

¹ Раз написано и *war*, что как будто вторит арм. *vajr* (id.).

рока" из *ancil, служившего, вероятно, вестовым у богов, как это видим и относительно вороны.

В этом аспекте я предлагаю протохеттский предлог *balī* как знак „местного“ падежа множ. числа, переводимый „между“ (*parmi*), перевести „со, вместе“, т. е. понять как корень для слова *hał-ord* „сообщающийся, причастный“ от слова *hał-* „со, вместе“ и суф. *-ord* (частый суффикс).

Точно так же азианическое имя *Zulia* „божественная река“ по фонетическим обыкновенным закономерностям должно было отложиться у армян в виде *colī* (*tšolī*), что действительно и существует у карабагских армян, этих „племен бала“, в значении „речная богиня“, „русалка“, заместительницей которой является араратское *puḡin* (из **paḡin*, вероятно из аккадского *paḡ-* „река“, но и „речная богиня“)¹. Это женское чучело *colī* несомненно стоит в связи с водной богиней, точнее речной богиней, будучи тем самым генетическим пережитком мифа и имени малоазийского древнего *zulīa* „река“ > „речная богиня“². Что такой пережиток может сохраниться до настоящего времени, так на это указывает сохранение подобного имени *paḡ* („река“ >) „речная богиня“ как олицетворения воды вообще не только в поименованных *Ṣovī-paḡ*, *Oskī-paḡ*, *Heḷī-paḡ* и пр., но и как самостоятельное слово в народных песнях, где *hōj paḡ* или *paḡ hōj* значит „великая русалка“ (нимфа), и, что еще более поразительно, в песне о *Derko* || *Deriko* с тем же прибавлением *hōj paḡ*. Это, несомненно, привнес армян с юга (Тарона—Турубера), с сирийского мира, где *Derko/Deriko* есть ласкательная форма вместе с сирийской подобной же формой *Darkia* от имени сиро-арамейской богини *Derketo* (более старая

¹ Есть и хурритское божество **Naga*, которое занимает передовое положение в мифе о царственном достоинстве богов и в трактатах. Есть и в хеттском, но неизвестна его функция, тогда как *paḡ* в арм. *Ṣovī-paḡ* „морская нимфа“, *Heḷī-paḡ* „речная нимфа“, *Oskī-paḡ* „златая нимфа“, *puḡin* „женское чучело для вызывания дождя“ более подходят к генезису этого *paḡ* из аккадского *paḡ-* „река, речная богиня“.

² Это *ṣolī* первично видимо значило „вода“, и потом уже „река, речная богиня“. В таком случае *ṣolī* || *zulīa* будет не только балайско-хайасским, но и грузинским, ибо форма *colī* представляется западногрузинским (занским), соответствием восточногрузинского (картского) *ṣkalī* „вода“, образовавшемуся из старого **ṣalī* (подобно, напр., мегрельскому *ḫkorī* „раб“ из **ṣorī* = арм. *ṣaga*, хурр. *zaḡra* || *zaḡti* и др.). К корню *ṣol-* || *zul-* „вода“ примыкает, по-моему, и груз. *ṣalakī* „кустарник на берегу реки, о гров“, *ḫala* (*id*), арм. диал. (арар.) *ṣal-k-ut* „болотистая местность, топь“. Странным может казаться, что наличны общие слова у карабагских армян в Азербайджане и западных грузин у Черного моря, подобно как имеется также караб. *ṣḫorūt* „каштан“ и мегр. *ṣirurūt* „орех“ (= груз. *ṣarḷi*), т. е. без посредствующих диалектических звеньев. Но это оправдывается историей передвижения „племен бала“ (*kaḡā bala*) с Припонтиды на восток по Араксу вплоть до современного Карабага и реки Булгар-чай (*Rot-i-bala*) в Азербайджане.

форма Atargat-is)¹, жены Лагона, что тоже сохранилось у тех же южных армян в названии „Дагонских гор“ (Таврские горы у Муша). Так что армяне сохранили различные наименования одной богини (par, žoli) в зависимости от их происхождения или соседства с разными народами или культурой. Имя žoli, вероятно, хайасо-балайский вклад через племена бала.

Очень возможно, что армянское и грузинское bal „вишня“ также исходит от имени балайцев, от их племенного имени и места (Pala или Bala), подобно как от имени Popit имеем название мелкого ореха pop-tik „финдык“ (арм. pənduk). от имени Kerasund (город) имеем наименование лат. cerasus, арм. keras, русск. черешня и др.

Я уверен, что дальнейший прогресс в деле изучения древних языков Малой Азии, в частности и особенно палайского языка, может выявить много встреч или общностей между этими языками и армянским, что отчасти мною сделано в отношении клинописного хеттского и армянского, независимо от вопросов исконного генезиса и языковых истоков.

В заключение считаю не лишним коснуться и преобладающего мнения некоторых ученых о характере палайского языка в отношении соседних (хеттского, лувийского) языков, как древних индоевропейских.

Это мнение о палайском языке выводится, как было сказано, из наличия в нем существительного (бытийного) глагола aš- с формами повелительного наклонения ašdu „да будет“ и ašandu „да будут“, затем из наличия kuiš, kuit несомненно местоимения „который“, „что“, присутствующего и в хеттском, как индоевропейское местоимение (ср. лат. quis, quid). К такому предварительному заключению нас должно привести и толкуемое мною окончание -atī для 3 л. ед. ч. настоящего времени и -at для 3 л. ед. ч. прошедшего совершенного. не говоря уже о возможном местоимении tuwa („твой“?), существительного karti („сердце“?) и других. Отмечают также наличие „стран“ хеттов (=хаттов), лувии и пала в хеттском своде законов непосредственно друг за другом, как частей общего политического объединения хеттской конфедерации, „которые были заняты индогерманскими завоевателями“ (см. у Оттена, стр. 133).

Но были и другие подходы к генезису этого палайского языка, в частности со стороны Э. Форрера и П. Кречмера, которые в повторе цельного корня (основы) видели грамматический элемент, свойственный азиатическим языкам. Таковы палайские luki lukinta, huanhuanikat и пр. По-моему, это недостаточно и может служить лишь одним из второстепенных показателей в общем учете генезиса данного языка.

¹ При народных песнях с припевом „Deriko hoj par“ (=Дерико великая нимфа) есть в Сасуне равноценное „Derko Nina, Nina, Nina, где hoj par заменено Nina, а само имя Derketo сократилось в Derko.

Если пока и очевидны индоевропейские элементы палайского языка, как древнеиндоевропейского, подобно хеттскому и лувийскому, этим, однако, не исчерпывается генетическое содержание интересующего нас языка.

Будем надеяться, что дальнейшие раскопки дадут нам новые материалы, могущие выявить лучшие результаты в деле изучения палайского языка, а это обстоятельство — уточнение его генезиса — имеет не только узкий интерес в области одного языка, но и более обширный и, в частности, в лингвистическом аспекте генезиса и влияния между ним и языком ближайших соседей области Хайаса, resp. армянского.